

актер и джентльмен

годов) к зеленому змию стала легендарной. Он и раньше был склонен к выпивке, а в лице Мэйо обрел идеального товарища и собутыльника. Миссис Богарт №3 могла пережить любого мужчину, и ее муж этим гордился.

В отличие от Мэйо Богарт знал, когда нужно остановиться — никто никогда не видел его по-свински пьяным. По воспоминаниям писателя Нанелли Джонсона, у Богарта был "внутренний алкогольный термостат", позволявший весь день пребывать в приятном состоянии легкого опьянения. "Богарт устанавливал свой термостат к полудню, накачивал в организм нужное количество виски, а затем поддерживал весь день ровное горение, почти автоматически добавляя необходимое количество топлива в нужные моменты".

Его час пробил в 1940 году, когда Джорджу Рафту предложили сыграть жестокого и романтического гангстера в фильме "Высокая сьерра". Проект почти запустили в производство, но в последний момент вмешались цензоры и велели изменить конец. Герой убивал по ходу действия шестерых — следовательно, в финале должен был погибнуть сам. Рафт отказался погибать. Нужно было срочно найти ему замену.

В то время на студии Warner (главном поставщике гангстерского кино) сложилась четкая иерархия исполнителей "крутых" ролей. Рафт и Кэгни были самыми знаменитыми, за ними следовали Пол Муни, Джон Гарфилд и Эдвард Дж. Робинсон. Включенный в эту группу Богарт пребывал где-то ближе к концу списка — ему часто поручали убивать и быть убитым, но девушки его героям не доставались никогда.

Когда Рафт отказался погибнуть в "Высокой сьерре", роль предложили Муни. Он отказался, потому что не хотел "подбирать объедки со стола Рафта". Кэгни отказался по обеим причинам — не хотел погибать и не хотел ролей, от которых отказались другие. Робинсон последовал его примеру, и в результате за два дня до начала съемок у студии остался только один штатный кандидат — Богарт. За уикэнд он успел выучить свой текст и в понедельник начались съемки. По выходе фильма критики провозгласили приглашение Богарта на главную роль "самым умным и хитрым решением студии за последние годы".

Но это было только начало. Вскоре после премьеры "Высокой сьерры" вновь сложилась ситуация, когда Джордж Рафт отказался от роли, и Богарт его заменил. Проект, от которого отказался Рафт, назывался "Мальтийский сокол".

Сегодня, с расстояния 60 лет, этот фильм исполняют монолитно возвышается над жанром черного кино. "Мальтийский сокол" в корне трансформировал стиль, настроение и мифологию жанра, изменил представление Америки о национальном герое и вознес Богарта в ряды суперзвезд. Много позже киновед Ричард Шикел написал в своей знаменитой книге "Звезды" следующие строки о герое Богарта Сэме Спейде: "Центральным фактом его существования является одиночество, оттененное отчаянием и сопровождаемое особой небритой убогостью, коей традиционно характеризуются холостяцкая жизнь в современном американском городе: немая посуда в грязной кухонной раковине, початая бутылка виски в ящике стола с документами, смятая газета на диване и смятое белье в спальне девушки, которая живет напротив и не до конца задерживает занавески, когда раздевается".

Добавим, что Сэм Спейд в исполнении Богарта принес в целлулоидный мир предощущение грядущих катаклизмов — войны, маккартизма, кризиса американской мечты — и показал, что сохранить достоинство перед лицом невзгод трудно, но возможно.

Война убила гангстерское кино —

преступления Аль Капоне померкли по сравнению с преступлениями Гитлера. На смену гангстерским лентам пришли военные фильмы, и в них Богарт чувствовал себя, как рыба в воде. Равных ему на Warner не было: Эдвард Дж. Робинсон старел; Кэгни слишком выделялся в любой толпе, чтобы убедительно играть шпирнов; Рафт казался слишком утонченным и нереальным на фоне фашистских зверств. Только Богги мог заставить зрителей поверить, что он в состоянии пережить нехороших фрицев или япошек. Вскоре его провозгласили — ни много, ни мало — ответом Голливуда на Новый Порядок Гитлера.

Слава мало изменила Богарта — он по-прежнему воевал с женой, дурачил прессу рассказами о своих невероятных приключениях и устраивал приколы на съемках.

В начале 1942 года он снова встретился с режиссером "Мальтийского сокола" Джоном Хьюстоном на съемочной площадке военной драмы "Через Тихий океан". Ближе к концу фильма герой Богарта должен был совершить побег из комнаты, охраняемой японскими солдатами. Перед съемкой этой сцены Хьюстону сообщили, что его призывают в армию, и студия срочно пригласила другого режиссера закончить работу. Тогда Хьюстон и Богарт организовали "усиленную охрану" комнаты, из которой должен был бежать герой. Прибывший режиссер почесал в затылке и осведомился, как можно в одиночку совершить побег из помещения, охраняемого ротой солдат.

"Это ваша забота, — ответили ему Хьюстон с Богартом. — Препятствие режиссер ушел в армию".

Перед началом съемок следующего фильма, легендарной "Касабланки", менеджер Богарта Мэри Бейкер договорилась в Warner о новом семилетнем контракте. Если раньше он получал 650 долларов в неделю, теперь ему стали платить 3500 при условии, что он будет работать 40 недель в году при любых обстоятельствах. Обычно в контрактах оговаривались различные экстремальные ситуации, при которых студия могла запретить актеру работать перед камерой; но для Богарта было сделано исключение: если он был в состоянии выйти на съемочную площадку, его снимали и ему платили.

"Что бы ни случилось с твоим лицом — публике это понравится", — объяснил глава студии Сэм Джаффе. И он был прав: ни похмельная бледность, ни морщины, ни хрипотня не могли уменьшить богартовского шарма.

Во время съемок "Касабланки" все, в том числе и сам Богарт, считали, что фильм получится провальный. Сценарий был недописан до конца; сценаристы, братья Эпштейны, переругались, споря, с кем должна остаться в финале героиня — с мужем или любовником, которого играл Богарт. Каждый день растерянная Ингрид Бергман спрашивала режиссера, кого же любит ее героиня, и получала в ответ: "Разберемся ближе к финалу". Богарт вопросов не задавал — он просто жил на экране, полагая, что режиссеру виднее, кого с кем воссоединять.

"Касабланка" стала классикой, потому что в ней встретились актеры, умеющие играть невысказанные чувства. Это был высший пилотаж для голливудской мелодрамы той поры — когда герои говорят одно, а думают другое (и даже самый неискушенный зритель это понимает). Благодаря "Касабланке" Богарт доказал свое право на романтические роли. Подающих надежды молодых актеров стали называть "новыми Богартами". На Рождество 1943 года Богги совершил поездку на фронт в Африку, где десятки тысяч солдат приветствовали его как родного.

Единственной проблемой, беспокоившей Богарта в те годы, было психическое состояние жены. Мэйо патологически ревновала его к Ингрид Бергман, угрожала застрелить

или отравить ее. Вскоре после завершения съемок "Касабланки" она попыталась покончить с собой. Причина: увлечение ее мужа юной Лорен Бэколл, партнершей по фильму "Иметь и не иметь".

19-летняя Бэколл в Голливуде казалась белой вороной. Умная, начитанная, немного высокомерная, эта благовоспитанная еврейская барышня училась в нью-йоркской Академии драматического мастерства, на жизнь зарабатывала билетершей в кинотеатре. Когда ей предложили позировать для обложки Harper's Bazaar, она долго колебалась, но в конце концов рискнула. Режиссер Говард Хоукс, увидев ее лицо в журнале, решил сделать кинопробу и сразу же взял на главную женскую роль.

В первый день съемок Богарт должен был бросать своей партнерше коробок спичек; ей нужно было поймать его и, чиркнув спичкой, поднести ее к сигарете. Бэколл так волновалась, что спички все время валялись у нее из рук. Заметив состояние партнерши, Богарт решил снять напряжение, и намеренно испортил пару дублей: смазал свою реплику, слишком высоко подбросил спички. Увидев, что даже великий Богарт ошибается перед камерой, начинающая актриса постепенно успокоилась.

Они стали общаться за пределами съемочной площадки — заходили друг к другу в гримерные, катались на велосипедах по студийным улочкам-декорациям. Он называл ее Бетти, она его — Богги. Мэйо заваливала на студию, осыпала Богарта колкостями, кричала на всех углах, что он окончательно выжил из ума и приударяет за девчонкой, которая годится ему в дочери. Терпение Мэйо иссякло в тот день, когда один из приятелей донес ей, что якобы Бэколл примеряет себе новое имя: Бетти Б. Богарт, Бетти Богарт Бэколл, Б.Б.Богарт. Последовал громкий разрыв; 10 мая 1945 года Богарт развелся с Мэйо, а 25 мая 1945 года прошла скромная брачная церемония в штате Огайо — подальше от голливудской суеты.

Шесть лет спустя Мэйо умерла в одиночестве от алкоголизма.

Богарт, напротив, практически перестал пить с приходом в его жизнь новой спутницы. Позже Бэколл говорила, что Богги пил исключительно из-за нестабильности семейной жизни. Она уверяла, что никогда не пыталась ставить ему ультиматумов относительно пьянства — это было бесполезно. Бэколл просто давала понять, что ей это не нравится — причем не скандалами, не упреками, а отчужденными взглядами или холодным молчанием. Ее тактика возымела успех: ко времени рождения у них первого ребенка, сына Стивена, Богарт стал почти трезвенником.

Богарт никогда особенно не интересовался политикой. Но в 1947 году, когда в Голливуде начались маккартистские чистки, чета Богарт-Бэколл была в числе первых, кто выступил против. Вместе с 25 другими голливудцами они летали в Вашингтон протестовать против создания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности

в киноиндустрии. Поскольку целью расследования было выявление коммунистов, американская компартия превознесла Богарта до небес, и его фотография появилась на первой странице The Daily Worker.

"Я ненавижу коммунистов, как любой порядочный американский гражданин, — ответил Богарт на страницах Newsweek. — Я защищал Билль о правах, а не коммунистов".

Смелость Богарта всегда потрясала его друзей. В те годы выступление против Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности приравнивалось к подвигу. Многие голливудцы, выступившие против Комиссии, остались без работы; более того, Госдепартамент не давал им загранпаспорта, они не могли уехать работать в Англию или Канаду и были вынуждены прозябать в нищете.

Богарта тронуть не рискнули — уж слишком заметная фигура. Однако он подошел очень близко к опасной черте и, наверняка, сознавал, что ставит под угрозу свою карьеру, карьеру жены, благополучие, славу. Но поступить против своих убеждений он не мог.

Совсем иная "проверка на вшивость" случилась с ним в Африке, где он с давним приятелем Джоном Хьюстоном работал над фильмом "Африканская королева". Исполнительница главной женской роли Кэтрин Хэпберн обожала африканское искусство, и мужчины, желая сделать ей приятное, наняли катер и повезли ее вверх по реке в деревню, славившуюся народными промыслами. Когда катер отошел от причала, мотор взорвался; капитан (он же единственный матрос) упал за борт; женщины завизжали, почти все мужчины сначала растерялись.

Богги был единственным, кто сохранил в этой ситуации хладнокровие (очевидно, сказала служба на флоте). Сначала он попытался воспользоваться огнетушителем, но он оказался пуст. Тогда Богарт сумел вырвать катер к пароходу, проходившему неподалеку, и выгрузить всех женщин; а затем вместе с матросами с парохода потушил пожар.

"Это был момент истины", — вспоминал впоследствии сценарист "Африканской королевы" Питер Виртел, оказавшийся на борту злощастного катера.

Несмотря на галантное поведение Богарта, мисс Хэпберн считала своим долгом каждый вечер читать ему с Хьюстоном проповеди о вреде алкоголя. Работая в антисанитарных условиях, оба дезинфицировали желудки виски, считая, что он лучше любых лекарств поможет им избежать дизентерии. Богарт спокойно выслушивал ламентации Хэпберн, а затем неизменно говорил: "Отлично, старушка Кэти, а теперь налей-ка нам по стаканчику". И Хэпберн шла сооружать им крепкие коктейли.

"Африканская королева" принесла Богарту заслуженный "Оскар". Он был так потрясен наградой, что даже не смог произнести полагающейся речи и ограничился простым "спасибо". В последующие годы он

снимался у лучших режиссеров Голливуда — Ричарда Брукса, Джоана Хьюстона, Эдварда Димитрика, Билли Уайлдера, Уильяма Уайлера, Майкла Кэртица, Марка Робсона. В перерывах между съемками вел благопристойную жизнь богатой и знаменитой кинозвезды — по настоянию Бэколл они переехали в новый просторный дом, Богги часто катался на своей любимой яхте "Сантана". Но в глубине его души по-прежнему жил ниспровергатель порядков: он ненавидел парики, которые приходилось носить на съемках и категорически отказывался надевать их на пресс-конференциях; по-прежнему подшучивал над друзьями и донимал продюсеров и студийных чиновников своей требовательностью. Порой он перегибал палку: его неприятие актеров нового поколения, работавших по Методу (так они называли систему Станиславского), вошло в поговорку. Снимаясь с Родом Стайгером в фильме "Тем сильнее будет падение", Богарт жаловался, что не слышит ни единого слова из того, что бормочет себе под нос его партнер. По завершении съемок он устроил издевательский приколы: купил рекламную полосу в Variety и опубликовал фотографии себя и своих приятелей в модных по тем временам нарядах — рваных свитерах, черных кожаных куртках и грязных бусах. Подпись под снимком гласила: "Самые старые новые лица в Голливуде". Шутка имела успех — продюсер Джерри Уолд даже предложил сделать серию подобных снимков с подписью Jerry Wald Production.

В глазах голливудцев Богарт оставался джентльменом старого образца. Но прожил он лет на двадцать дольше — ему наверняка удалось бы найти общий язык с Кубриком, Копполой, Скорсезе, Де Палмой. Пересматривая сегодня ранние фильмы этих режиссеров, понимаешь, как им не хватает богартовского лица и его взгляда на мир. Герои "Тропинок славы", "Крестного отца", "Грязных улиц", "Лица со шрамом" кажутся отражениями Богарта в зеркале нового кино — кино, в котором режиссер стал ключевой фигурой. Но несмотря на кардинальную смену кинокусов Богги, незримо присутствует во многих фильмах 60 — 90-х годов; сегодня даже договаривают о создании его цифрового двойника.

Прошло почти полвека, как Богарта нет: в январе 1956 года врачи обнаружили у него злокачественную опухоль, и в январе 1957 года он скончался. Богги не хотел, чтобы по нему скорбели. Он считал, что люди, оплакивающие мертвецов, на самом деле оплакивают самих себя. Он хотел, чтобы друзья вспоминали о нем с улыбкой за дружеским застольем. Сегодня круг друзей Хэмфри Богарта широк как никогда — это любители кино всего мира.

Богги проходит тест на бессмертие, имея в активе фильмы только того периода, когда кинематограф был отягощен театральным наследием, независимых кинематографистов считали экстравагантными чудаками, а актеры играли те роли, которые выбирала для них студия. При жизни Богарт не был так популярен, как Кларк Гейбл, Гэри Купер, Эррол Флинн и другие голливудские сердцееды того времени. Сегодня он намного известнее и намного современнее любого из них. Он принадлежал к породе людей, которые дают больше, чем берут; поэтому и сегодня он продолжает отдавать экрану себя — свой шарм, джентльменство и негибаемость.

Елена ТЕЛИНГАТЕР

- Хэмфри Богарт и Лорен Бэколл
- Хэмфри Богарт в «Окаменевшем лесе»
- Хэмфри Богарт и Ингрид Бергман в «Касабланке»

